

Мальчик поправил одежду, стоя у двери капитанской каюты, которая была напихана тонким голубым битумом и сияла гладко, как бирюза. Даже когда его сердце затрепетало, в нем зародилось глубокое сожаление. Если бы он ожидал, что это произойдет, он бы переоделся в свою лучшую одежду сегодня утром, когда одевался, но, к сожалению, мальчику не хватало способности предсказывать будущее.

Что, если он подумает, что я грязный?

Даже если бы он был опрятно одет, он был бы просто взволнован радостью встречи с героем. Мальчик с сокрушенным выражением лица посмотрел вниз на свой пожелтевший воротничок и поношенные манжеты.

Он бы с удовольствием вернулся на корабль и переоделся в новую одежду прямо сейчас, но пока у капитана есть письмо о том, что это "Замена оплаты", выполнить это желание было невозможно. Нехотя, мальчик собрал все свое мужество и дрожащей рукой постучал в дверь капитана. В ответ на осторожный стук раздался мягкий ответ.

-Входи.

Ого. Ух ты. Его голос был таким чудесным.

Мальчик открыл дверь в комнату капитана с покрасневшим от ускорившегося кровотока лицом. Дверь открылась плавно и без шума, как будто за ней хорошо ухаживали.

Первое, что отразилось в возбужденных глазах мальчика, была спина мужчины, стоявшего задом к нему. Мужчина ростом 6 футов с седыми волосами, подстриженными достаточно коротко, чтобы был виден рыжеватый затылок, внимательно изучал карту, разложенную на столе из красного дерева. Хотя он не был таким мускулистым, как обычные моряки, его мужественное тело, сужающееся от широких плеч до перевернутого треугольника, демонстрировало уникальную дисциплину тренированного солдата.

-Посмотри на это, Жак. Это знаменитая морская карта Альвица из знаменитой Федерации пяти наций. Это чудо, созданное триангуляцией и теодолитом. Черт побери. Глядя на это, наши морские карты выглядят, как детская игра на песке. Всех людей из Имперской Академии, которые выпускают такие вещи, следует повесить.

Мужчина говорил очень прямолинейно, рассматривая предложение о массовом повешении. Мальчик дрожащим голосом открыл рот, озадаченный отношением мужчины, который, казалось, перепутал его с другим человеком.

-Преданный защитник Империи! Ваше превосходительство адмирал, я принес вам письмо из министерства флота.

Проклятье. Песнопение прервалось. Как только мальчик заговорил, он яростно проклял собственную глупость. Говорить, как хнычущий слабак, тем более почтенному и верному офицеру лорду Амье, теперь было бы позором на всю жизнь! Что, черт возьми, подумает обо мне адмирал?

-А?

Разочарованный своим плачевным состоянием, мальчик увидел, что человек повернулся. Только когда мужчина понял, что человек за его спиной не был его первым помощником, он повернулся и встал лицом к мальчику. Мальчик бессознательно поднял глаза, несмотря на то, что знал, что они не должны вступать в зрительный контакт. Глаза мальчика, смотревшие на мужчину, были заморожены.

Как и ожидалось, мужчина выглядел сильным. Как обычно бывает у людей моря, его загорелое лицо имело красновато-медный оттенок. Нос, когда-то сломанный во время многочисленных морских сражений, был слегка искривлен. Губы были аккуратными, подбородок - идеальным. А глаза - легендарные не только в империи, но и в Федерации пяти наций, и даже у печально известных пиратов Герты - были похожи на глаза ястреба, как и говорили слухи.

Серые глаза сверкали из глубины век. Они были слегка изогнуты, а на левом виске у угла глаза был косой шрам, похожий на полумесяц, дающий представление о его жестоком прошлом.

Впечатляющая внешность давала представление о том, как было придумано прозвище "Ястребиный глаз". Адмирал Эжен де Шастан, капитан "Серебряного парома", а также адмирал 4-го флота. Мальчик, стоя перед почитаемым героем, глубоко вздохнул. Перед ним стояла легенда.

Он не имел представления о жителях материка, но во флоте не было никого, кто мог бы стоять на одном уровне с адмиралом Шастаном. Именно он победил знаменитого капера капитана Нелькена, завоевал кишашее пиратами Балеумское море, чтобы обеспечить торговый путь в северную страну Кайедип, и даже разгромил военно-морские силы Федерации пяти наций, которые, как говорят, непобедимы на море.

Вслед за адмиралом Шастаном, героем Имперского флота, ходила поговорка: "Когда пираты слышат его имя, они пугаются, а когда его слышат военно-морские силы Федерации пяти наций, они делают знак". Он был прямо здесь, перед мальчиком.

-Письмо из военно-морского министерства?

Он, то есть адмирал Шастан, стоял перед мальчиком и разговаривал с ним. Мальчик почти кивнул, но когда он запоздало понял, какой статус имеет человек, стоящий перед ним, он вдруг опомнился.

Нельзя вести себя как идиот. Пьер! - сурово подумал мальчик. - Как ты думаешь, будет ли у

тебя еще когда-нибудь в жизни возможность поговорить с ним лично?

- Да. Ваше превосходительство адмирал!

Мальчик осторожно достал письмо, которое держал в руках, и протянул его адмиралу. Адмирал посмотрел на письмо мальчика. Это было письмо, отправленное Министерством военно-морского флота, но печать была не официальной печатью Министерства военно-морского флота, а личным гербом самого маркиза Ла Байля. Через неформальный маршрут, неформальное письмо. Заинтригованный необычной ситуацией, адмирал Шастан взял письмо от мальчика.

-Хорошая работа, моряк. Можешь идти.

-Слушаюсь, Ваше превосходительство!

Нельзя дважды повторять одну и ту же ошибку. Мальчик отсалютовал со всей силы скромным жестом и покинул капитанскую каюту. Разговор состоял всего из двух-трех слов, но для мальчика это был феерический опыт.

На флоте адмирал Шастан был легендарным героем, и мальчик разговаривал с ним наедине, и даже если это было только на расстоянии, все равно было чем похвастаться в течение нескольких месяцев. Был ли еще хоть один моряк, который мог бы похвастаться подобным? Маленькое сердце мальчика раздулось. Если он расскажет об этом опыте своим друзьям и старшим солдатам, все будут ему завидовать. И среди них страдать будет только стрелок, который, казалось бы, заботился о нем во всех случаях только потому, что он пришел двумя месяцами раньше, а потом высадился сам, сменив сегодня назначенного дежурного. Если бы он не заставил себя сменить дежурство, именно он взял бы на себя это поручение.

Мальчик ярко улыбнулся при виде этого зрелища, которое сделало его счастливым, просто представив его. Вот почему люди должны быть внимательными.

[Возвращайтесь в столицу как можно скорее. В устье реки Нейтел ждет транспорт.

Адмирал флота, Мартелл Луи де Ла Байль].

Эжен нахмурился, прочитав короткое письмо. Подпись явно принадлежала знакомому маркизу Ла Бейлю, а вот содержание - нет. Он знал, что этот человек не был болтуном, но коротко написанная записка, в которой нельзя было понять контекст ни из одной части письма, была слишком упрощенной, даже учитывая характер такого сочетания.

Как странно.

Эжен погрузился в раздумья. Даже поразмыслив, он не мог понять ситуацию. Трудно

находиться в мирное время, не говоря уже о военном. Всего два дня назад прозвучало предупреждение быть бдительными и готовиться к вражеским провокациям. Мало того, не кто иной, как он, отдал мне особое распоряжение и поручил патрулировать окрестности порта Росонг.

Хотя его враги ослабли из-за победы в Ла-Тиллене, Федерация Пяти Народов кишмя кишела, как пахнувшие кровью акулы, и их нельзя было упустить в этот момент, когда империя была занята послевоенными делами.

Они также знали, что империя, ослабленная долгой войной с великой страной востока, Шааком, не сможет встретиться с ними лоб в лоб. Даже если бы они укусили их за спину, империя не смогла бы ответить. Если за вашей спиной находился косяк акул, то это потому, что перед вами - тигр. И это был тот самый свирепый тигр, который уже однажды укусил сердце империи.

-Ваше превосходительство адмирал, вы меня вызывали?

Пока он был обеспокоен неизвестным письмом, вошел Жак. Жак Боссон, первый помощник, долгое время работал под началом Эжена и был превосходным экспертом в управлении кораблями. Эжен поднял голову и посмотрел на свою правую руку, затем на Жака.

-Есть ли какие-нибудь перебои с поставками?

-Нет, ваше превосходительство. Может быть, это потому, что труба подачи изменилась, она стала быстрее, чем когда-либо. Ожидается, что поставки будут завершены к концу сегодняшнего вечера. Единственная проблема - это ремонт корабля, и даже если мастера будут работать над ним день и ночь, это все равно займет около недели.

-Неделя?

-Да. Мачту, о которой я беспокоился, можно сделать за два-три дня, но, похоже, есть проблема с направлением морского тарана. Похоже, что носовую часть нужно переставить, но на это уйдет десять дней, и даже если сократить срок, все равно нужна неделя.

Жак неожиданно заартачился, потому что изначально это был порт для простого ремонта и снабжения, а он, похоже, не любил противника в неожиданной ситуации. Это произошло потому, что Жак не знал, насколько важна их патрульная миссия в настоящее время, предполагающая квази-войну. Но неожиданно Эжен не показал себя в неприятном свете. Он поднялся со своего места, надел пальто поверх красного мундира и спокойно произнес.

-Как раз вовремя.

-Простите?

-Даже если бы это было не так, мне все равно придется ненадолго покинуть корабль. Меня вызывает адмирал флота. Мне приказано приехать в столицу.

Жак выглядел весьма ошеломленным внезапным сообщением.

-Вы имеете в виду маркиза Ла Бейля? Какие-то проблемы?

-Ну, я не знаю.

Вы действительно настолько равнодушны или притворяетесь равнодушным? - Жак покачал головой, глядя на Эжена, у которого на лице было не поддающееся определению выражение. Почему адмирал флота зовет адмирала? - Жак думал о разных причинах, но, как и Эжен, он не мог понять, что происходит.

-Тогда когда вы вернетесь?

-Я тоже не знаю. Это не займет много времени, особенно при таких обстоятельствах.

-Я попрошу моряка собрать вещи.

-Нет, я уже распорядился, чтобы это было сделано. Позаботьтесь о своих подчиненных, пока меня не будет. На время патрулирование будет поручено вице-адмиралу Матье, так что все, что вам нужно делать, это сосредоточиться на ремонте. Если возникнет срочный вызов, пожалуйста, свяжитесь со мной через маркиза Ла Бейля. Я буду жить там, пока нахожусь в столице.

-Я понял. - уверенно ответил Жак.

После минутного раздумья Эжен начал сворачивать морскую карту Альвица и заворачивать ее в масляную бумагу. Он не мог оставить морскую карту, которая, можно сказать, была самой большой добычей в битве при Ла Тиллене, в своей каюте. Для жителей земли это был бы просто неизвестный код, который невозможно было бы понять, даже если бы это была морская карта, но для моряка, который рисковал своей жизнью на морском пути, это было незаменимое и драгоценное сокровище.

-Ваше превосходительство адмирал, я... - Жак, наблюдавший за этой сценой, внезапно открыл рот. Эжен поднял голову на его зов.

-Что случилось?

-При всем уважении, почему бы вам не уделить немного времени своей жене, пока вы на пути в столицу?

-Что?

Эжен остановил руку, которая перекатывала карту и посмотрел на Жака. Гигантскому мужчине не хватало всего 1 дюйма до 7 футов, и он не поддался абсурдному взгляду Эжена, продолжая решительно говорить.

-Для меня - большая честь служить вам, герой, но если есть еще большая слава, то это не просто обращаться к вам как к адмиралу, а действительно служить вам, как адмиралу. Так что, пожалуйста, постарайтесь, Ваше Превосходительство. Это надежда всего 4-го флота.

Эжен тщетно улыбался. Теперь он понимал, о чем идет речь. Итак, Жак хотел сказать, что ему нужно поскорее завести ребенка, чтобы его могли повысить с вице-адмирала до адмирала.

Хотя внешне Эжен был известен как адмирал и фактически исполнял свои обязанности адмирала, на бумаге он был еще не адмиралом, а вице-адмиралом. Прошло уже три года с тех пор, как его предшественник, адмирал Этуаль, был убит, и он стал адмиралом 4-го флота в порядке временной преемственности.

За это время он добился таких выдающихся успехов, с которыми никто не мог сравниться, и заработал такую репутацию, что в море не было никого, кто не знал бы его имени, но даже с такими достижениями он не мог стать адмиралом. Причина была не в его некомпетентности, а в недостатке квалификации.

Согласно "Лекс Ардика", самому высшему своду писанных законов на континенте, неженатым дворянам не разрешалось отправляться на войну, а бездетным дворянам не разрешалось дослуживаться до звания полковника. В случае Эжена - речь шла именно о последнем, поскольку он еще не мог быть официально назначен адмиралом, то есть командующим флотом, так как у него не было детей.

-Как может получиться так, как я хочу? Вы меня переоцениваете.

Чтобы увидеть звезду, нужно сначала посмотреть на небо. Человеку, который много лет скитался по морю, как Эжен, было не так просто, как кажется, увидеть ребенка от жены, живущей на суше. Кроме того, его молодая жена была типичной аристократкой. В отличие от господ из салона*, которых она привыкла видеть, она боялась его, загорелого и полного шрамов, поэтому между ними нелегко было даже завязать дружескую беседу.

(п.п. - *С 16-19 веков салон - это собрание людей, которые собирались у гостеприимного хозяина, чтобы развлечь друг друга и расширить свои знания посредством беседы.)

-Вы можете сделать это, если захотите. Разве ваша "морская стрельба" не может похвастаться такой точностью, что даже враги признают ее?

-... Женщина - это не то, чем можно управлять, как кораблем, Жак. Скорее, они похожи на непредсказуемое море. Теперь, когда я прислушался к твоим советам, я понимаю, почему ты до сих пор холост.

Услышав критику Эжена, Жак вздрогнул. Казалось, слова пронзили его насквозь.

Если бы моя жена слышала этот разговор, она бы уже потеряла сознание.

Эжен горько улыбнулся и глубоко надвинул шляпу. Жена была молодой и красивой женщиной, но Эжен, тем не менее, чувствовал себя с ней неловко. Как и его жена, которая боялась его, потому что он был слишком большим и грубым, Эжен боялся ее, потому что она была слишком маленькой и слабой.

Она была похожа на маленькую птичку или куклу. Казалось, что она сломается, если ее неправильно тронуть, и она была такой хрупкой, что сломалась бы при поспешном прикосновении. Для человека, который провел полжизни с моряками, после того, как в 16 лет сел на корабль, она казалась слишком хрупким стеклянным артефактом.

-Не говорите ерунды и просто придерживайтесь своей миссии. Я приму отчет, когда вернусь, так что не забудьте заполнить бумаги. Вы поняли?

-Да, ваше превосходительство.

Жак вежливо отдал честь и открыл дверь. Эжен из вежливости похлопал Жака по плечу, покинул каюту и вышел на палубу. Как только он оказался на палубе, в ноздри ударил кислый запах. Это был запах, характерный для порта, смешанный с вонью мусора в соленом морском бризе.

Болел не только нос. Его уши тоже болели. Шумный причал, где без границ выстроились военные корабли и торговые суда, шумел, как преисподняя, и шум был настолько громким, что даже Эжен, привыкший к полю боя, где взрывались снаряды и крики доносились со всех сторон, не мог легко адаптироваться.

Некоторые люди называли порт местом, которое было чем-то вроде матери, приветствующей своего вернувшегося сына. Как говорится, порт - это мать, но не благосклонная мать, которая принимает в свои объятия вернувшегося блудного сына, а мать, которая ругает, царапает и бьет его метлой по спине. Эжен верил в это и нисколько в этом не сомневался.